

Ножницы скользнули под ткань у колена Цинь Цзуя. Когда лезвие прижалось к коже, готовое двинуться вверх по бедру, тот не выдержал и снова перехватил руку Цзян Чу.

— Ты что, прямо так резать собрался? — нахмурился Цинь Цзуй, глядя на Цзян Чу.

— А что не так? — Цзян Чу скосил глаза на свое запястье, зажатое чужой ладонью. Подумаешь, штаны разрезать — чего тут мудрить?

— Режь по внешнему шву, — Цинь Цзуй даже растерялся от такой простоты. — Кто вообще кромсает брюки снизу вверх по внутренней стороне бедра?

— А-а... — Цзян Чу проследил взглядом за кончиками ножниц, которые целились аккурат в пах Цинь Цзуя, сообразил, в чем дело, и прыснул.

Цинь Цзуй лишь обреченно вздохнул.

— Да я и не собирался до самого верха вести, просто с этой стороны удобнее, — сквозь смех оправдался Цзян Чу. Он щелкнул лезвиями и сделал надрез дюйма в три по шву.

Бросив ножницы на пол, он ухватился за края разреза и с треском рванул ткань. Цинь Цзуй даже опомниться не успел от этого двусмысленного звука, как почувствовал, что левая нога полностью освободилась из плена.

Да так, что теперь, опустив взгляд, можно было без труда разглядеть край нижнего белья.

— Ты... — Цинь Цзуй поспешно потянул уцелевшую штанину домашних шорт пониже. Заметив, что Цзян Чу уже тянется к его ремню, он быстро прикрыл пряжку ладонью: — Я сам.

На этот раз Цзян Чу спорить не стал — руки-то у парня были целы. Откинувшись назад и упершись ладонью в пол, он устроился на полу и стал ждать, пока Цинь Цзуй расстегнет ремень, чтобы помочь ему стянуть штанину.

Цзян Чу сидел слишком близко и под очень «удачным» углом. Стоило ему небрежно поднять глаза, как взгляд наткнулся как раз на то место, которое Цинь Цзуй пытался прикрыть. Заметив отчетливый бугорок под тканью, Цзян Чу на секунду опешил, а затем с безграничным сочувствием и подступающим смехом протянул:

— Да ладно тебе... Серьезно?

Пальцы Цинь Цзуя на мгновение замерли. Он мрачно зыркнул на Цзян Чу и с явным раздражением выдернул ремень из шлевок, отшвырнув его в сторону.

— Я же сказал, сам справлюсь.

— Блин, — Цзян Чу отвернулся, пряча улыбку. Возразить тут было действительно нечего.

Все-таки старшеклассники — народ удивительный, жизненных сил через край. Даже гипс на ноге не мешает утреннему подъему, стоит только начать мазать ушиб мазью. Цзян Чу вспомнил себя в его возрасте — он тоже был весьма деятельным юношей, но даже у него до такой степени все на автомате не срабатывало.

— Скажи спасибо, что у тебя не вывих бедра, — хмыкнул Цзян Чу под металлический скрежет расстегиваемой ширинки. Он ухватился за низ целой правой штанины, помогая стаскивать шорты. — А то медсестре пришлось бы разрезать их самой, и она точно обозвала бы тебя извращенцем.

Цинь Цзуй молча потянул ногу назад, упираясь ступней в край дивана, и только хмуро посмотрел на него сверху вниз.

До Цзян Чу дошло, и он усмехнулся:

— Ладно, ошибся. Скорее уж, это был бы врач-мужчина.

Раз уж скрывать все равно было нечего, Цинь Цзуй перестал дергаться. Он встряхнул свободные пляжные шорты, просунул в них здоровую ногу, а затем, поднявшись и балансируя на одной конечности, натянул их повыше. Опустив веки, он ровным, лишенным эмоций голосом обронил:

— Врач или медсестра тут ни при чем.

Цзян Чу все еще сидел на полу, и когда Цинь Цзуй резко поднялся прямо перед ним, то самое место оказалось едва ли не на уровне его лица. В голове Цзян Чу невольно вспыхнули воспоминания о том дне в кабинете — дурацкая гифка, которая выскочила на экране компьютера прямо перед его носом. Мочки ушей мгновенно запылали от смущения.

— А? — Он поспешно поднялся на ноги и придержал парня за бедра, помогая устоять и аккуратно продеть загипсованную ногу в широкую штанину. — То есть дело исключительно в процессе снятия штанов?

Цинь Цзуй посмотрел на него долгим взглядом, молча взял костыль и направился к ванной.

— Ты в таком состоянии собрался?.. — Цзян Чу решил, что тот пошел снимать напряжение. Изумление смешалось с искренним беспокойством за его гипс: — Может, лучше в постели сделаешь? Вдруг равновесие потеряешь и грохнешься? Мне тогда даже переодеться не придется — сразу обратно в больницу покатым.

У Цинь Цзюя не осталось сил спорить. Он замер, медленно повернул голову и несколько секунд молча смотрел на Цзян Чу абсолютно каменным взглядом.

— Я в туалет. Поссать.

На лице Цзян Чу отразилось понимание в духе «да-да, конечно, так я и поверил», но он лишь примирительно развел руками: мол, не смею задерживать.

По большому счету, гипс не так уж сильно ограничивал движения Цинь Цзюя. Но возиться с костылями все равно было сомнительным удовольствием — как ни крути, собственная здоровая нога куда надежнее.

Пока они возились со штанами, он был слишком сосредоточен, но теперь, когда суета улеглась, левая лодыжка заняла с новой силой. Стоя на одной ноге перед унитазом и пытаясь спустить шорты, он покачнулся и едва успел опереться ладонью о стену, чтобы не упасть.

Сходить по-маленькому сразу не получалось: в паху неприятно тянуло, нужно было немного перевести дух.

Упершись рукой в кафель, Цинь Цзуй тупо разглядывал ряд причудливых флакончиков с благовониями на полке, пока в голове крутились недавние слова Цзян Чу.

Дело было не в мужчинах-врачах и не в медсестрах. Не в том, снимали с него штаны или резали их на куски.

Все это не имело значения.

Значение имел лишь виновник его состояния. И самое забавное — этот виновник даже не подозревал, какую бурю вызывал одним своим присутствием.

С самой первой их встречи, хотел того Цинь Цзуй или нет, Цзян Чу обладал для него каким-то необъяснимым, магнетическим притяжением.

И это простое слово «брат» — тоже.

С того самого дня, когда Цзян Чу, прижав пальцы к его кадыку, заставил выговорить это обращение, оно словно замкнуло какой-то скрытый контакт в его сознании. Стоило просто вспомнить этот момент, как по телу пробежал легкий электрический разряд.

Раньше он еще мог обманывать себя, списывая все на то, что внешность и фигура Цзян Чу просто идеально соответствуют его вкусам. Со временем он даже примирился с этим фактом, сменив глухое раздражение на спокойное принятие собственного влечения.

Но если физиологическую реакцию на парня своего пола еще можно было объяснить простой ориентацией, то странное, почти порочное удовольствие, которое доставляло ему слово «брат», ввергало его в полное замешательство. Это граничило с какой-то тайной, запретной слабостью.

Вот почему в последние дни, когда Цзян Чу в шутку вытягивал из него это слово, Цинь Цзуй упирался не из упрямства. Он отчаянно пытался подавить то волнующее чувство, от которого сладко немели позвонки.

Но сегодня Цзян Чу словно сорвался с цепи, отыгрываясь за все прошлые разы, и Цинь Цзую пришлось повторить заветное «брат» несколько раз подряд. Вдобавок Цзян Чу то обдавал его сигаретным дымом, то стягивал с него штаны... Словно нарочно испытывал парня на прочность.

Да даже если забыть про домашние сцены... Днем в больнице, когда Цзян Чу, принеся с улицы морозную свежесть поздней осени, ворвался в кабинет врача с нахмуренными бровями — его встревоженный взгляд, озабоченное выражение лица и эта сдержанная, но глубокая забота показались Цинь Цзую невероятно сексуальными.

Да, именно сексуальными.

Цинь Цзуй вспомнил его лицо в тот момент, и уголки его губ невольно дрогнули в слабой улыбке.

Это была какая-то особенная, согревающая сексуальность. Настолько теплая, что ему хотелось возвращаться к этому воспоминанию снова и снова. И не просто возвращаться — ему безумно хотелось сделать что-то в ответ.

Он прекрасно понимал, что это неправильно. Неправильно во всех смыслах.

Он лениво щелкнул пальцем по пузатому флакону с лавандовым маслом. Внизу живота снова потянуло тупой болью, и Цинь Цзуй устало прикрыл глаза.

Но поделаться с собой ничего не мог.

Когда он наконец вышел из ванной, Цзян Чу стоял на балконе и с кем-то разговаривал по телефону. Судя по доносившимся обрывкам фраз и сухому тону, на том конце провода была Цинь Шумань.

Цинь Цзуй подошел к дивану, взял свой телефон и проверил экран. Ни одного пропущенного. Даже захудалого сообщения не пришло.

Бросив мобильник обратно, он на костылях поковылял в сторону кухни — нужно было сообразить что-нибудь на обед. Они возились с этой травмой с десяти утра и до сих пор крошки во рту не держали. Цзян Чу, скорее всего, тоже проголодался.

— Наложили гипс. Да, связки тоже... Но врач сказал, ничего страшного, по крайней мере обошлось без перелома, — терпеливо объяснял Цзян Чу мачехе. Услышав шорох шагов, он обернулся и проследил взглядом за Цинь Цзуюм.

— Да, я понял.

Цинь Шумань на том конце долго и путано оправдывалась — мол, когда звонил Хай Дапан, она была дико занята на важном совещании вместе с отцом Цзян Чу, Цзян Ляньтянем.

— Прости, Чу-эр, опять тебе пришлось со всем этим возиться, — с виноватой ноткой в голосе произнесла она.

— Мне не трудно. Я в это время как раз обедал, никаких совещаний у меня не было, — ровно ответил Цзян Чу.

После этих слов на том конце повисла мертвая тишина. Цинь Шумань затаила дыхание и долго не находила, что ответить.

Цзян Чу мысленно вздохнул. Обычно он не позволял себе так открыто дерзить людям, тем более нынешней жене своего отца. С того самого момента, как эти двое решили сплавить ему Цинь Цзую, и вплоть до истории с днем рождения парня, Цзян Чу вел себя максимально корректно, стараясь сохранить видимость приличий и семейного согласия. Но сегодня ему было искренне, по-человечески жаль этого угрюмого пацана, и холодное равнодушие мачехи укололо его за живое.

Он прекрасно понимал, какие противоречия раздирают Цинь Шумань. Она и бросить сына на произвол судьбы не могла — все-таки материнский инстинкт и чувство долга давали о себе знать. Она пыталась убедить себя принять его, но внутри все противилось этому. В итоге ее отношение к собственному ребенку превратилось в какой-то невообразимый клубок из вины, долга и неприятия. Цзян Чу порой казалось, что мачеха вовсе не презирает и не ненавидит сына. Она его попросту боится.

Боится, что один взгляд на него воскресит в памяти кошмары прошлых лет. Боится, что из-за него она никогда не сможет окончательно порвать со своим прошлым. И в то же время боится оставить его без присмотра, потому что тогда ее сожрет собственная совесть.

Это было чертовски сложно. Цзян Чу не брался судить ее — чужая душа потемки, да и не ему говорить о боли, которую он сам никогда не испытывал. Если бы она наотрез отказалась общаться с сыном, вычеркнула его из жизни раз и навсегда — это тоже можно было бы понять.

Но вся беда заключалась в ее нерешительности. Скажи она твердое «нет» еще тогда, когда Цинь Цзуй звонил ей с вокзала, парень бы просто не приехал, и не было бы этих двусмысленных метаний. Она раз за разом дарила ему призрачную надежду, чтобы при первой же возможности снова выставить глухую стену. Цзян Чу не знал, каково сейчас Цинь Цзую, но даже у него от одной мысли об этом все внутри закипало от злости.

— Прости. Я просто хочу сказать: если ты занята и не можешь приехать, но тебе действительно важно знать, как у него дела, набери его сама. Или хотя бы напиши. Это будет куда правильнее, чем расспрашивать меня. Ну а если тебе нужно просто успокоить совесть и поставить галочку в графе «заботливая мать»... Что ж, я не против подыграть. Могу звонить тебе каждый день и докладывать о его здоровье, раз тебе так спокойнее.

На том конце провода по-прежнему молчали. Не дожидаясь ответа, Цзян Чу сухо попрощался и нажал на отбой.

Из кухни доносился негромкий стук посуды — Цинь Цзуй хлопал дверцей холодильника, что-то выискивая.

Цзян Чу заглянул на кухню. Парень пытался достать продукты: одной рукой он цеплялся за дверцу холодильника, а второй медленно, по одной штуке, вытаскивал овощи, утомительно крутясь на здоровой ноге вокруг своей оси. При этом в раковине уже стоял глиняный горшочек с замоченным рисом.

— Эг-гей, горе-повар, — Цзян Чу быстро подошел со спины и привычным, легким жестом приобнял его за талию, помогая удерживать равновесие. — Ты что, опять вытянулся? — удивился он, заметив, что теперь смотрит на парня практически на одном уровне, хотя еще в прошлом месяце тот казался чуть ниже. — А ну марш в комнату. Полежи, я сам все приготовлю.

— Она звонила? — Цинь Цзуй даже не повернулся, продолжая методично высыпать горсть сушеных креветок в миску с водой.

— Угу, — Цзян Чу замялся, не зная, стоит ли вываливать на него всю правду о поведении матери. В итоге решил немного сгладить углы: — Хотела приехать, но ее срочно вызвали на совещание. Очень переживала, судя по голосу.

Цинь Цзуй промолчал. Он прекрасно понимал, что Цзян Чу врет во спасение, просто чтобы не ранить его еще сильнее.

Цзян Чу был слишком хорошим. Удивительно заботливым и чутким. И к нему, Цинь Цзую, он относился с какой-то особенной теплотой.

— Все, закругляйся. Мне приходится держать тебя за поясницу, так мы оба устанем быстрее. Невыгодная математика, — Цзян Чу осторожно потянул его назад, уводя от плиты.

— А ты умеешь? — Цинь Цзуй стряхнул капли воды с пальцев.

— Смотря что, — спохватился Цзян Чу.

— Рис в горшочке по-кантонски, — пояснил Цинь Цзуй.

— Вот тут ты меня поймал, его я точно не... — Цзян Чу повернул голову, чтобы взглянуть на подготовленную посуду.

В этот момент его висок и край отросших волос скользнули по лицу Цинь Цзуй.

Цинь Цзуй не собирался двигаться, да и не думал, что шевельнулся, хотя близость чужого тела и тесные объятия Цзян Чу, бережно прижимавшего его к себе, заставляли его сердце бешено колотиться.

Однако Цзян Чу тут же резко отстранился, зажав ладонью щеку возле уха, и уставился на него с притворным возмущением:

— Ты чего бодаешься?

— Я бодаюсь? — опешил Цинь Цзуй.

— Ты мне прямо носом в ухо ткнулся, — Цзян Чу почесал мочку. В этом месте у него была жуткая щекотка.

— У тебя галлюцинации? — нахмурился Цинь Цзуй.

— Притворяйся больше, — Цзян Чу решил, что парень просто дурачится, и ласково щелкнул его по кончику носа. — Ты что, щенок? Лизаться еще начни.

Цинь Цзуй долго молча смотрел на него, а затем отвел взгляд. Он так ничего и не ответил, покорно позволяя увести себя из кухни.